

ТОХТИЕВ Шухрат Рустамович,
Международная исламская академия Узбекистана,
доцент, PhD
E-mail: shuhrat55567@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ШИИТСКИХ ОБЩИН УЗБЕКИСТАНА (Из истории самаркандских и бухарских «ирони»)

O'ZBEKISTONDAGI SHIA JAMOATLARNING XUSUSIYATLARI (Samarqand va Buxoro “eroniylari” tarixidan)

FEATURES OF SHIITE COMMUNITIES IN UZBEKISTAN (From the history of the Samarkand and Bukhara “Irani”)

Аннотация. История шиитских общин, проживающих сегодня в Центральной Азии, наряду с другими малыми религиозными общинами, т.е. их проникновение в Центральную Азию, формирование их как общины, их образ жизни, их место в нашей истории, обычаи, традиции, верования, все еще не изучен глубоко и системно с точки зрения историографии, исламоведения, этнографии и культурологии Узбекистана. Статья посвящена обзору истории и культуры шиитских общин в лице этнической группы «ирони» проживающих в Узбекистане. Потому что шиитские общины на протяжении веков играли значительную роль в политической, социокультурной жизни Узбекистана и неразрывно связаны с другими религиозными общинами, проживающими в регионе.

Ключевые слова: ирони, форсы, Самарканд, Бухара, сунниты, шииты, «Панджаб».

Annotatsiya. Hozirgi davrda Markaziy Osiyo hududida boshqa mayda diniy jamoalar qatorida istiqomat qilib kelayotgan shia jamoalari tarixi, ya'ni ularning Markaziy Osiyoga kirib kelishi, jamoa

sifatida shakllanishi, hayot tarzi, ularning tariximizda tutgan o'rni, urf-odatlar, an'analari, shialik vakillari e'tiqodi asosida hududimizda yuzaga kelgan qadamjolar masalasi O'zbekiston tarixshunosligi, islomshunosligi, etnografiyasi va madaniyati nuqtai nazaridan hanuz chuqur va tizimli tadqiq etilmagan. Maqola Markaziy Osiyo, xususan O'zbekistondagi “eroniy” etnik guruhi misolidagi shia jamoalari tarixi va madaniyatining tahliliga bag'ishlangan. Chunki shia jamoalari bir qancha asrlar davomida O'zbekistonning siyosiy, ijtimoiy-madaniy hayotida o'ziga xos ahamiyatga ega bo'lib kelmoqda va bu hududda istiqomat qiluvchi boshqa diniy jamoalar bilan uzviy bog'liq bo'lgan.

Kalit so'zlar: eroniy, fors, Samarqand, Buxoro, sunniy, shia, Pandjob

Abstract. The history of the Shia communities living today in Central Asia, along with other small religious communities, i.e. their penetration into Central Asia, their formation as a community, their way of life, their place in our history, customs, traditions, beliefs is still not studied deeply and systematically from the point of view of historiography, Islamic studies, ethnography and culture of Uzbekistan. The article is devoted to an overview of the history and culture of Shiite communities represented by the “Irani” ethnic group living in Uzbekistan. Because the Shiite communities have played a significant role in the political, socio-cultural life of Central Asia for centuries and are inextricably linked with other religious communities living in the region.

Keywords: Irani, Persian, Samarkand, Bukhara, Sunnits, Shiites, Pandjab

ВВЕДЕНИЕ

В процессе формирования народностей Центральной Азии [9:38-42] особый интерес представляют история появления отдельных этнических групп и те изменения, которые происходят среди них в результате сближения с окружающей этноязыковой средой. Среди населения Самарканда, Бухары и окрестных мест, а также в других городах Мовароуннахра (но в гораздо меньшей степени) известна этническая группа, которую местное население называет «ирāни/ирони» («ایرانی») от персидского «иранец»).

По языковому признаку «ирони» делятся на таджикоязычных и тюркоязычных. В настоящее время первые живут в основном, в Бухарском вилайете, вторые – в Самаркандском. Это подтвердилось в ходе полевых работ в городе Самарканде.

Как пишет О.А. Сухарева, в Бухаре значительную группу населения составляли

и составляют *форсы/персы («ирони»)*. Она называет исследуемую нами группу *«ирони» «форсами»* и объясняет, что название *«форс»* они приняли после, так называемой, *«шиитской резни»* 1910 года, когда обострение отношений между суннитами и шиитами Бухары привело к тому, что прежние названия *«ирони»*, *«марви»* стали употребляться остальными лишь за глаза, приобретая оттенок оскорбительности и враждебности. Вследствие этого, исходя из изданий «Бухара в государственном хозяйственном плане на 1923/1924 г.», и материалов переписи населения 1926 года в городе Бухаре автор предлагает принять их новое и уже укоренившееся в быту бухарцев название – *«форс»* [12:82-83].

В переписи населения персы составляли 9.8 тыс. человек, т.е. 0.2% от населения Узбекистана. Но собранные нами материалы национального состава Узбекистана по переписи 1926 года показывают, что кроме персов в переписи упоминаются и иранцы, которые составляют 9.2 тыс. человек, т.е. 0.2% от населения Узбекистана [2:54]. По нашим исследованиям и, исходя из собранных нами материалов, мы предполагаем, что упомянутые в переписи персы – это жители Бухарской области, а иранцы – жители других областей Узбекистана (в основном города Самарканда).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Чтобы подойти к вопросу о тех этнических компонентах, которые составили группу *«ирони»*, следует проследить историю возникновения этой группы.

Первые сведения среднеазиатских историков о насильственных переселениях в Центральную Азию из северных провинций Ирана и Афганистана относятся к XV-XVI вв. Это был период дробления феодальных владений темуридов, сопровождавшийся бесконечными междоусобными войнами, завоевательными походами и набегами. К этому времени относится начало подчинения указанных районов кочевым узбекам, завоевания которых сопровождались захватом, в числе прочих богатств, пленников, превращаемых в рабов [6:205].

Идеологическим оправданием для захвата в рабство иранцев-мусульман явилось провозглашение среди суннитского

населения Средней Азии необходимости борьбы с шиизмом, который при Сефивидах (1502-1736) был принят в Иране в качестве государственной религии и с тех пор походы Шейбанидов на Иран легитимировались как *«борьба с неверными»*, более точный термин – *«газат»*. В обычной дворцовой и монетной титулатуре это отражалось таким образом. К совершившему поход на Иран (чаще всего в Хорасан), присоединялся титул *«Абу-л-гази» (воитель за веру)*. Кроме этого традиционные экономические и культурные связи между Ираном и Туркестаном, которые, по словам А. Ю. Якубовского, до этого «продолжались почти 900 лет» [14:320], сменились взаимными опустошительными набегами. Уже в 1611 г. невольничество шиитов, которых приравнивали к *«кафирам»* – неверным, было официально санкционировано фетвой духовенства в Герате – столице суннитского Хорасана [7:40].

Восприятие шиитов Ирана в качестве государства «неверных» фактически закрепилось и в общественном мнении. В этом смысле показательным можно назвать исторический факт, приведенный в диссертации Б. Бабаджанова. При осаде Бухары в 1540 г. Барак-ханом и Абдулатиф-ханом (В Бухаре сидел ‘Абд ал-‘Азиз хан), вышедший для переговоров знаменитый лидер Накшбандийа Махдум-и А‘зам заявил мятежникам: «Чем воевать со своим братом (‘Абдулазизом) и нападать на мусульман, лучше делайте газат и освободите земли мусульман в Хорасане [шиитов]». Он добавил, что так думают, все бухарцы и просят вас отойти, т.е. снять осаду. Особенно примечательна та часть фразы, по которой иранцы-шииты даже не воспринимались как мусульмане, а война против них считалась газатом. Известна также знаменитая фетва, приравнивавшая шиитов Ирана к *«неверным»*. Это была очевидная политическая фетва, легитимировавшая набеги Шейбанидов на Иран. Первый правитель, который получил такую фетву в 1586 году, был Бухарский хан Абдуллахан (фактически правил: 1557-1598). В ходе расширения границ своего государства он дошел до Мешхеда и, продвигаясь в глубь Хорасана, овладел Гератом. При этом огромное число жителей было уведено им в неволю в Бухару [3:47-50].

Эти исторические факты получили своеобразное преломление среди современных *«ирони»* Самарканда. Так, по словам

заместителя имама мечети «Панджаб» Исакова Юсуфа (1953 г. рождения), потомки бывших рабов живут в махалле «Гуллар боги» («Сад цветов»), который находится по улице Шота Руставели в Самарканде. Сам заместитель имама утверждает, что является сейидом. Однако он не смог отобразить свое родословное древо.

Завоевательные устремления среднеазиатских владетелей и, в частности, узбекских встречали опасного соперника в лице иранских правителей, вторгавшихся на территорию Мовароуннахра и овладевавших его городами.

Возможно, что во времена ответных походов иранцев на Среднюю Азию (особенно Надиршаха афшара в 1740-42 гг.), какие-то группы персов оседали в бухарских владениях. Например, к юго-западу от Бухары, за воротами *Шейх Джалол*, находится кишлак *Афшар-махалля*, относящийся к числу поселений «ирони» [7:40]. Существует связанный с этим исторический факт. После захвата Бухары оставшиеся в регионе войска шиитского Ирана напрямую помогли захватить и удержать власть фактическому основателю династии Мангытов Мухаммад-Рахим бию. Это вызвало отрицательную реакцию богословов Бухары и Самарканда, воспитанных на традициях полного непризнания шиизма вообще.

Исходя из собранных материалов, можно предположить, что происхождение различных групп иранцев неодинаково. Одни из них были потомками переселенных сюда в конце XVIII века эмиром Шах-Мурадом жителей Мерва; другие – потомками, освобожденных (в 60-80 года XIX века), согласно договору с русским правительством, рабов, привозившихся в Бухару со всего Хорасана, включая и север Афганистана; третьи, наконец, происходили от переселенцев из Ирана, в разное время и по своей воле приходивших в Мавараннахр и здесь оседавших.

По религиозной принадлежности большинство выходцев из Ирана в Среднюю Азию являлись мусульманами – *шиитами*¹ (*джафаритами*). Среди иранцев, осевших в Средней Азии в начале XX века, было немало

*бабидов (бехаистов)*². В свое время они, видимо, покинули родину из-за религиозных и политических преследований. В Туркестане бехаисты получили возможность свободно исповедовать свои религиозные взгляды [8:135].

Не менее интересна трансформация шиитов ирони в советское время и влияние на них процесса постсоветской реисламизации. Прежде всего, своеобразная «советизация» шиитов имела следствием то, что их знание о шиизме сохранилось в крайне смутных формах, и скорее, в виде каких-то форм ритуальной традиции (очевидно, в упрощенном виде). В таком виде их застали некоторые исследователи. Например, в ходе научных исследований Б. Бабаджанов и А. Муминов отметили, что даже «новые» духовные лидеры самаркандских «ирони» самого начала 90-х гг. не обладали обширными знаниями о шиизме вообще, тем более, о его так сказать внутренних течениях или «сектах». Хотя, по другим историческим данным, они могли знать о духовном лидере шиитов «*а́йтуллā*» – «*маржа ат-таклид*»³ Рухаллāх Мусави Хумайни (1979-1889) и его последователе Саййид Али Хомейнии (с 1889).

Поэтому к тому моменту (то есть к концу советской эпохи) уместно было говорить скорее об историко-этническом ощущении себя в качестве «ирони», а религиозная составляющая идентификации оказалась настолько забыта (как результат атеистической политики), что конкретно говорить об «ирони» как о религиозной группе не приходилось. Групповая самоидентификация «ирони» в советское время скорее держалась на этническом самоощущении, что поддерживалось некоторыми ритуалами и ритуальными собраниями, но в тех пределах, в каких это позволяли условия советской действительности.

Наиболее распространенными занятиями среди местных ирони были шелкоткачество (*шоибофи*), изготовление сладостей (*канноти*), продажа пряностей и лекарств (*аттори*) и ювелирное дело (*заргари*) [1:125].

² Бабиды (бабиты) – последователи религиозно-политического учения Баба (Саид Али Мухаммад (1819-1847)), ставшего идеологией демократического народного движения в Иране (1848-1852), направленного против шахской и религиозной власти и против засилья иностранных держав. Бехаиты – последователи учения, созданного в Ираке группой эмигрировавших из Ирана баббитов. Основатель Мирза Хусейн Али Нури (1817-1892).

³ Маржа' ат-таклид – от араб. объект подражания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Собранные нами по этим обрядам материалы показали, что некоторые из них отражают внешнюю обрядность и, таким образом, имеют чисто формальный, второстепенный характер, в то время как по другим можно проследить этногенетические связи отдельных компонентов этой группы. К первым следует отнести упомянутое выше различие в манере совершать намаз: так, одной из ритуальных поз у суннитов является «даст баста», складывание рук на уровне пояса У шиитов даст яла – то есть в положении с опущенными руками; иначе совершалось и омовение: сунниты лили воду от кисти к локтю, а шииты от локтя вниз. К этой же группе обрядов относятся и широко известные в Передней Азии шиитские мистерии, посвящённые воспоминаниям о гибели Хусейна – сына Али, внука Мухаммеда, называемое «ашурой» (араб. ‘ашара десять), так как оно приходится на первые 10 дней месяца мохаррам мусульманского календаря.

Говоря о главном архитектурном наследии «ирони» Узбекистана, следует сказать о медресе и мечети «Панджаб» (Самарканд). Архитектором медресе был некий Ходжа Абураим. Оно было построено на вакуфной земле Ходжи бобо Абдуохунбека. Руководил строительством Шейх Мухаммад Козим, а ведущим мастером при строительстве был усто Комил из Бухары. Мечеть – медресе в плане представляет собой сооружение, типичное для конца XIX – начала XX веков с прямоугольным залом и айваном/верандой. Медресе «Панджаб» начало действовать с 1908 года. При мечети была школа (мактаб). Дети обучались здесь религиозным и светским знаниям. До 1924 года сооружение использовалось по прямому значению, в этот период оно тщательно поддерживалось в хорошем состоянии. С 1924 года медресе (как и большинство религиозных учреждений советской империи) приспособлявают для различных организаций и ведомств, и с тех пор оно подвергалось переделкам. В 1939-1943 гг. в медресе размещалось ремесленное училище. Позднее сооружение было занято различными конторами – строительными, торговыми, магазином, почтой и другими мелкими организациями. И только в 1990 году медресе «Панджаб» перешло в руки истинных хозяев – верующих мусульман-шиитов. А с

10 марта здесь же начал свою деятельность «Культурный центр иранцев».

Сегодня, в Узбекистане живут более 130 национальностей и народностей. Одни из них – иранцы, которые исповедуют шиизм, как сказано, *джафаритского* или *иснй-‘ашаритского* толка. «Ирони», не смотря на окружающую преимущественно суннитско-ханафитскую религиозную среду, испокон веков хранили свою религиозную идентичность и ритуальные особенности. Сейчас для сохранения своей конфессии у них самые лучшие за многие века условия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиева Ф. Иранцы Самарканда // Узбекистанский гуманитарный журнал. Общественное мнение. Права человека №1 (13) 2001.
2. Ата-Мирзаев О., Гентшке В., Муртазаева Р. «Узбекистан многонациональный: историко-демографический аспект», Изд. Медицинской литературы имени А.А. Ибн Сино, Ташкент, 1998.
3. Бабаджанов Б.М. Политическая деятельность шайхов Накшбандийа в Мавараннахре (первая половина XVI в.). Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Ташкент: ИВ АН РУз, 1996.
4. Борнс А. Путешествие в Бухару, т. II.
5. Гребенкин А.Д. мелкие народности Зеравшанского округа. В сб.: Русский Туркестан, вып. II, М., 1872.
6. Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии. Москва, 1958.
7. Люшкевич Ф. Д., Этнографическая группа ирони. // Занятия и быт народов Средней Азии. – Л., 1971.
8. Матвеев А.М. Из истории иранских революционных организаций в Средней Азии // Взаимоотношение народов Средней Азии и сопредельных стран Востока. Изд. АН УзССР, Т., 1963.
9. Муминов А.К. Мавараннахрская школа фикха // Общественные науки Узбекистана. Ташкент, 1990. №10.
10. Обзор Самарканской области за 1910 г., Самарканд, 1912.
11. Обзор Сырдарьинской области за 1908 г., Ташкент, 1910.
12. Сухарева О.А. «К истории городов Бухарского ханства». Изд. АНУзССР, Ташкент, 1958.
13. Ханыков Н. Записки по этнографии Персии. Москва, 1977.
14. Якубовский А.Ю. Павел Петрович Иванов как историк Средней Азии. СВ., т. V, 1948.